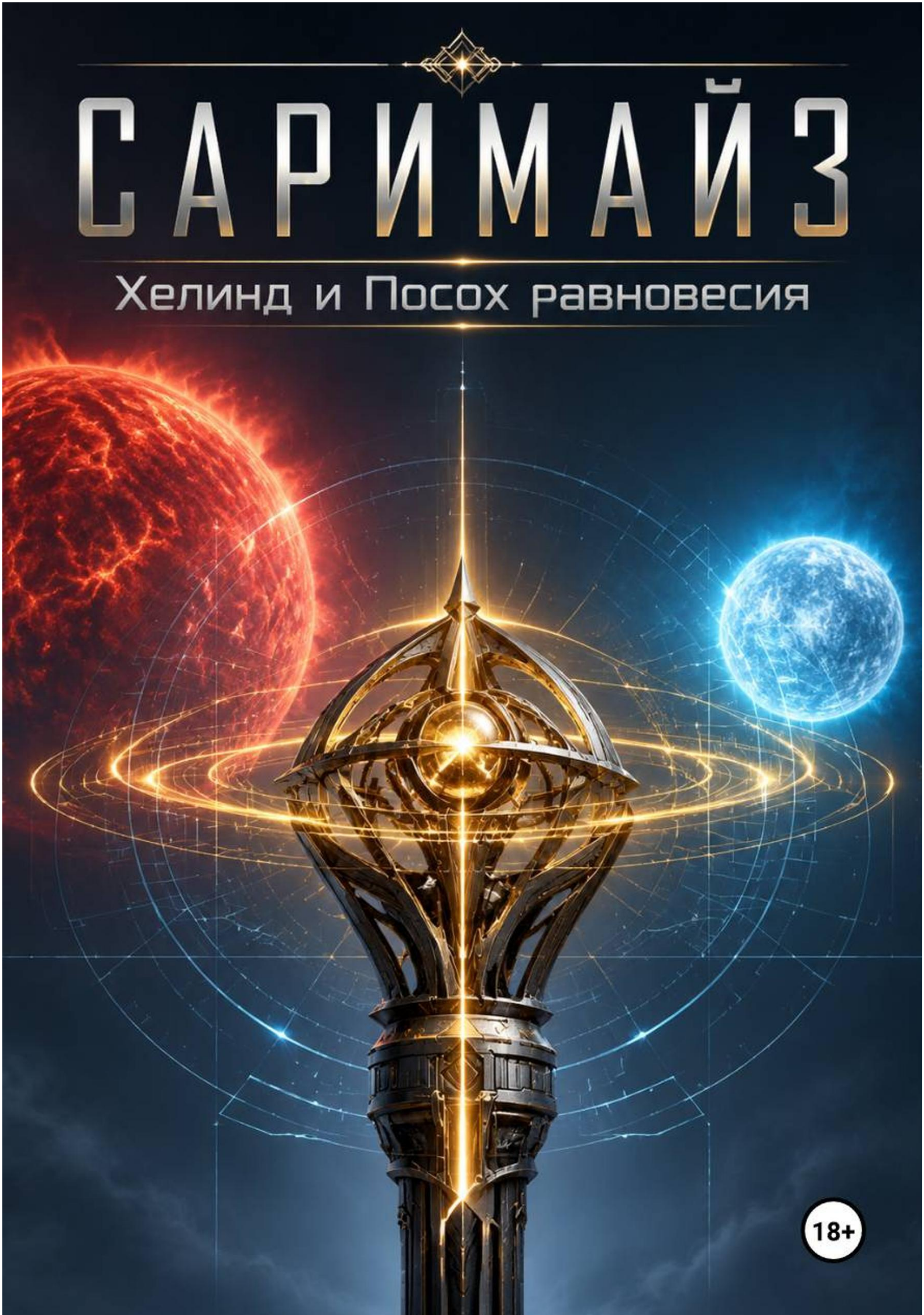
САРИМАЙЗ

Хелинд и Посох равновесия



18+

Саримайз

Дмитрий Григорьев

Саримайз. Хелинд и Посох Равновесия

«Автор»
2026

Григорьев Д. А.

Саримайз. Хелинд и Посох Равновесия / Д. А. Григорьев — «Автор», 2026 — (Саримайз)

Хелинд—самый большой из пяти островов под куполом Саримайза, житница всего мира. Пятнадцатилетний Мол мечтает о море, но его удел — работать на ферме отца. В год бесконечных дождей урожай гибнет, налоги лорда Эртона становятся непосильными. Банда Косого Бенна сжигает дом и убивает всю семью Мола. Он прячется в погреба, а потом бежит—трусом, как сам считаетСкитания приводят его к загадочному Страннику — старому воину, который берёт парня в ученики. Два года тренировок, дорог и боёв превращают испуганного мальчика в опасного бойца. Но прошлое не отпускает: лорд Эртон оказывается младшим братом Странника, когда-то приказавшим убить его ради наследства.Плен, смерть наставника на глазах и последняя минута перед казнью, когда древний артефакт — Посох Равновесия — признаёт Мола своим хранителем. Демон Времени дарует силу останавливать мгновения, чтобы восстановить справедливость. Но и у магии есть цена. Четвёртая книга цикла — история взросления, мести и пути к морю, которое ждало всю жизнь

© Григорьев Д. А., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Григорьев
Саримайз. Хелинд и Посох Равновесия

Пролог.

Ночь в лесу

Лорд Эртон стоял у окна, глядя на лес.

За стеклом было темно — Хамфа спряталась за тучами, и только Храм мерцал в вышине, холодный и далёкий. В кабинете пахло воском и старым деревом. На столе лежала бумага с печатью — приказ, который он подписал час назад.

Дверь скрипнула. Вошёл Вейл — молодой, широкоплечий, с короткой щетиной и лицом, будто вырубленным из камня. Остановился в трёх шагах от стола.

— Вызывали, господин?

Эртон не обернулся.

— Отец умер.

Вейл помолчал. Потом сказал:

— Соболезную.

— Не надо. — Эртон наконец повернулся. Глаза у него были сухие, голос — ровный. — Он умер утром. Сердце. И знаешь, что он сказал перед смертью?

Вейл молчал.

— Он сказал: «Передай Эрбосу, что теперь он — лорд». — Эртон усмехнулся. Криво. Зло. — Эрбосу. Не мне. Ему. Старшему. Любимчику. Тому, кто ушёл в леса и живёт там, как дикарь, с женой и дочерью.

Он подошёл к столу, взял бумагу, протянул Вейлу.

— Читай.

Вейл взял, пробежал глазами. Потом поднял взгляд:

— Господин... вы уверены? Это же ваш брат.

Эртон ударил ладонью по столу. Так, что чернильница подпрыгнула.

— Заткнись! — заорал он. — Заткнись и выполняй! Я двадцать лет ждал! Двадцать лет был тенью! А теперь — хватит! Он не хочет власти? Прекрасно. Значит, не получит. Ни власти. Ни жизни. Ни семьи.

Он шагнул к Вейлу. Близко. Так, что тот почувствовал запах вина.

— Ты понял?

Вейл кивнул. Медленно.

— Понял, господин.

— Тогда иди. И не возвращайся, пока всё не будет кончено.

Вейл развернулся. Вышел. Дверь закрылась тихо.

Эртон остался один. Подошёл к окну. Посмотрел на лес.

— Прости, брат, — прошептал он. — Но ты сам виноват. Ты не должен был быть первым.

Дом стоял на берегу реки — небольшой, сложенный из толстого бруса, с крышей, поросшей мхом. Вокруг — лес. Густой, старый, полный дичи.

На поляне перед домом играла девочка. Лет семи. Светлые волосы, острые коленки, в руках — венок из полевых цветов, кривой, неровный, но старательно сплетённый.

— Папа! Смотри! — крикнула она.

Эрбос обернулся. Молодой. Широкоплечий. С тёмными волосами и глазами, в которых было что-то спокойное, тёплое. Присел на корточки, принял венок, надел на голову.

— Ну как? — спросил он.

Девочка засмеялась. Звонко, взахлёб.

— Ты как король! Только смешной!

— Смешной король — самый лучший король, — сказал Эрбос. — Серьёзные короли скучные. Они всё время воюют и ни с кем не играют.

Алера подошла сзади. Обняла его за плечи. Поцеловала в висок.

— Ты и правда смешной, — сказала она. — С этим венком.

— Это подарок дочери. Я буду носить его вечно.

— Вечно — это долго.

— Вечно — это как раз про меня.

Они сидели на траве. Арена забралась к матери на колени. Эрбос смотрел на них — на жену, на дочь — и улыбался. Тихо. Счастливо.

А потом лес затих.

Эрбос не сразу понял, что не так. Просто вдруг стало тихо. Птицы замолчали. Ветер стих. Только река шумела — ровно, спокойно.

Он выпрямился. Прислушался. Рука сама потянулась к поясу — к мечу. Но меча не было. Оставил в доме.

Из-за деревьев вышли люди.

Много. В тёмных куртках, с ножами. Впереди — широкоплечий, с короткой щетиной. Вейл.

Эрбос узнал его.

— Вейл? — сказал он. — Что это значит?

Вейл не ответил. Махнул рукой. Люди двинулись вперёд.

Эрбос рванулся к дому. К мечу. Но двое солдат перехватили его. Один ударил по ногам — Эрбос упал. Второй навалился сверху, прижал к земле.

— Папа! — закричала Арена.

— Не трогайте её! — заорал Эрбос. — Она ребёнок!

Вейл не слушал. Подошёл к Алере. Она стояла, прижав к себе Арену. Смотрела на него без страха. Только с ненавистью.

— Эртон передаёт привет, — сказал Вейл.

Алера плюнула ему в лицо.

Вейл вытер щёку. Медленно. Потом ударил её ножом. В живот. Один раз. Два.

Она осела на землю. Арена закричала.

Эрбос рванулся. Изо всех сил. Вырвался. Вскочил. Ударил одного солдата кулаком в горло — тот захрипел, упал. Второго — локтем в висок. Третий бросился на него с ножом — Эрбос перехватил руку, вывернул, ударил головой в лицо. Солдат отлетел.

Четвёртый. Пятый. Он не считал. Просто бил. Как учил отец. Как учился сам, годами, в лесах, где не было ни учителей, ни наставников — только опыт и страх смерти.

Он пробивался к дочери. Она лежала на земле, рядом с матерью. Смотрела на него. Плакала.

— Папа...

Вейл стоял над ней. Нож в руке.

— Не смей, — выдохнул Эрбос. — Не смей!

Он рванулся вперёд. Но Вейл был быстрее. Опустил нож.

Арена замолчала.

Эрбос замер. Мир вокруг остановился. Он видел только её — маленькую, светловолосую, с венком, который она сплела для него. Венок лежал рядом. В крови.

Меч выпал из его руки. Он не заметил, когда успел его подобрать. Просто выпал.

А потом нож Вейла вошёл в его бок. Глубоко. Под рёбра. Эрбос охнул. Осел на колени. Потом на бок. Потом на землю. Кровь текла из раны — тёплая, липкая. Он смотрел, как Вейл подходит к Алере. Как наклоняется. Как перерезает ей горло.

Он хотел закричать. Но не мог. Горло сжалось. Только хрип.

А потом — темнота. Он затих.

Вейл выпрямился. Посмотрел на тело. Потом сказал своим:

— Ну всё, сдох. — Он вытер нож о траву. — Выкиньте тело в реку. Пусть рыбы поедят, и дело с концом. А жену и девочку — в дом. И сожгите здесь всё. Пусть будет несчастный случай.

Солдаты взялись за работу. Тело Эрбоса подняли, потащили к реке. Женщину и девочку — в дом. Через минуту из окон повалил дым.

Вейл стоял на поляне. Смотрел, как горит дом. Как дым поднимается к небу — чёрный, тяжёлый.

— Дело сделано, — сказал он. — Пошли. Лорд ждёт.

Он развернулся и ушёл в лес. Солдаты — за ним.

А на берегу реки тело Эрбоса качнулось на воде — и медленно пошло ко дну.

Глава 1.
Зелёное сердце

Курица обосновалась на лице Мола с уверенностью существа, которое платит за жильё натурой — теплом.

Сначала он почувствовал приятное: пух, мягкий, как перина, и живое куриное тепло, от которого затекший за ночь нос начал оттаивать. Потом пух забился в ноздри. Мол чихнул — курица возмущённо кудахтнула, вспорхнула и оставила после себя белое пёрышко, застрявшее у него в волосах, как маленький флаг капитуляции.

— Дерк! — заорал Мол. — Твоя птица!

Из-за печи высунулась рыжая физиономия. Дерк жевал лепёшку, и крошки сыпались на пол, как опилки.

— Не моя. Общая. И она тебя любит, между прочим. Вон как к тебе тянется.

— Она на меня села!

— Значит, ты тёплый. Куры — они как женщины, Мол. Любят тёплых. — Дерк подмигнул и скрылся за печью.

Мол сел на топчане, стряхивая с одеяла перья. Курица уже деловито топталась в углу, что-то склёвывая. Вчера Нида приволокла её с рынка — сказала, птица хромая, надо подержать в тепле, пока не поправится. Мол тогда не придал значения. Он вообще редко придавал значение тому, что говорила Нида. Нида говорила много, и большая часть сказанного была указаниями.

На кухне пахло так, что у Мола заурчало в животе. Гарт стоял у печи, помешивал в котле. Делал он это молча, как всё, что делал. Просто стоял — большой, широкий, с седой щетиной на подбородке — и водил ложкой по кругу. Пар поднимался над котлом, и в этом паре плавали крошечные капли жира, блестящие, как бусины.

— Ешь, — сказал Гарт, не оборачиваясь. — Через час выходим.

Хлеб был тёмный, плотный, с запечённой внутри шелухой — вчерашний, но ещё мягкий. Мол отломил кусок, обмакнул в кашу. Каша густая, с репой и какими-то травами, от которых горчило на языке. Он жевал медленно. Отец всегда говорил: ешь быстро — до обеда не доживёшь. Мол проверил на собственном опыте: не доживал.

Питер выполз из спальни — сонный, всклокоченный, с ложкой в руке. Он всегда просыпался с этой ложкой. Мол не знал, зачем она ему. Но Питер без неё не мог.

— Ты чего с ложкой спишь? — спросил Мол.

Питер посмотрел на ложку так, будто впервые её видел. Пожал плечами:

— Не знаю. Привык.

— Он её вчера до ночи строгал, — сказал Дерк, садясь напротив. — Всё вырезал что-то. Я думал, он себе палец отрежет.

— Не отрезал, — буркнул Питер.

— Пока не отрезал. Но всё ещё впереди.

Нида появилась в дверях — худая, быстроглазая, с мокрыми руками. Она уже успела выйти во двор, проверить бельё. Мол не знал, когда она всё успевает. Наверное, вообще не спит.

— Опять дождь собирается, — сказала она. — Гарт, ты бы хоть тряпку на крышу накинул. В прошлый раз протекло.

— Накину, — ответил Гарт. — Только доем.

— Ты это уже третий день говоришь.

Гарт ничего не ответил. Просто продолжил есть. Нида вздохнула — так, как умеют вздыхать только старшие сёстры, — и ушла обратно во двор.

Завтрак тянулся долго. Мол смотрел в окно — серое небо, серый двор, серая изгородь. Всё серое. Как всегда. Он уже привык не замечать, но иногда, вот как сейчас, что-то внутри сжималось, и хотелось встать и уйти. Куда-нибудь. Где небо другого цвета.

— Дерк, — сказал Гарт, отставляя миску. — Коровы?

— Накормлены. Ветка хромает.

— Посмотрю.

Гарт вышел. Дерк подождал, пока за ним закроется дверь, и повернулся к Молу:

— Слышал? На ярмарку едем.

Мол встрепенулся:

— В Плёс?

— Ага. Праздник Урожая. Отец сказал — всем можно. — Дерк подмигнул. — Может, найдёшь себе кого. Вон, ты у нас парень видный. Волосы есть, глаза есть. Хоть и тощий.

— Я не тощий.

— Ты жердь. Но это ничего. Девчонкам нравятся жерди. Говорят, они гибкие.

Мол швырнул в него ложкой. Дерк увернулся, заржал и выскочил во двор.

Мол доел, вышел следом.

Ферма стояла на склоне холма. От крыльца открывался вид на долину. Внизу блестела Ветлуга — широкая, спокойная, с илистыми берегами, поросшими осокой. За рекой тянулись поля — квадраты пшеницы, ячменя, овса. Между ними — живые изгороди из боярышника, которые Гарт подстригал каждую весну. Дальше темнела полоса леса, и над ней висело небо — низкое, серое, с одним просветом на востоке, где сквозь тучи пробивался слабый багровый свет Хамфы.

Мол остановился. Просто стоял и смотрел. В такие моменты ему казалось, что мир больше, чем кажется. Что за этой полосой леса есть что-то ещё. Не просто поля и деревни. А что-то настоящее.

Он слышал рассказы. Бродячие торговцы иногда заходили на ферму — продавали иголки, нитки, дешёвые украшения. Мол подсаживался к ним и слушал. Они рассказывали о портовых городах, где пахнет рыбой и солью. О кораблях, которые уходят за горизонт и не возвращаются месяцами. О воде в море — солёной, такой, что пить нельзя. О волнах выше самого высокого дома. И об острове Горгат — огромном, скалистом, где никто не живёт. Только камни и ветер.

Мол не мечтал о море так, как мечтают герои в сказках. Просто знал: однажды он уйдёт. Не сейчас. Может, через год. Может, через два. Но уйдёт.

— Мол! — крикнул Дерк из-за амбара. — Хватит стоять. Пошли, дел полно.

Он вздохнул и пошёл.

День был как день. Мол таскал воду из колодца — вёдра тяжёлые, коромысло врезается в плечи, вода плещется через край, оставляя на штанах тёмные пятна. Чистил хлев — вилы, навоз, мухи, которые лезут в лицо, сколько ни отмахивайся. Потом помогал Питеру чинить изгородь на дальнем лугу. Питер приколачивал доски, которые сам же выстругал, а Мол держал их, чтобы не съехали.

— Ты когда-нибудь уедешь? — спросил вдруг Питер.

Мол посмотрел на него. Питер не поднимал глаз — сосредоточенно вбивал гвоздь.

— Может быть, — сказал Мол.

— Куда?

— Не знаю. К морю.

Питер замер. Гвоздь торчал из доски, наполовину вбитый. Потом Питер сказал тихо:

— Возьми меня с собой.

Мол не сразу нашёлся с ответом. Питер был младше. Тихий. Такой, что его легко было не заметить. Но он умел делать руками то, чего Мол не умел. И он смотрел на Мола так, будто верил ему. По-настоящему верил.

— Ладно, — сказал Мол. — Возьму.

Питер кивнул и снова взялся за молоток. Больше они об этом не говорили.

Вечером, когда все собрались в доме, Мол залез на чердак.

Чердак был его местом. Здесь пахло пылью и сушёными травами, которые Нида развешивала под потолком. В углу стоял старый сундук — дедов. Мол перебирал его каждый раз, когда хотел побыть один.

На самом дне, под слоем тряпья, лежала карта. Он нашёл её два года назад и с тех пор не переставал рассматривать. Пергамент пожелтел, края обтрепались, но линии были чёткими. Четыре острова. Хелинд — большой, зелёный, с извилистой Ветлугой. Сечер — поменьше, с пометкой «шахты». Шторм — с пометкой «воры». И Горгат — огромный, серый, покрытый штриховкой, с надписью «не плавать».

Мол водил пальцем по карте. Вот он выходит из устья Ветлуги. Вот плывёт вдоль берега. Вот видит Сечер — город с высокими домами. Вот Шторм — порт, где полно кораблей. Вот Горгат — серые скалы, ветер, тишина.

Он не знал, сбудется ли это. Но ему нравилось представлять.

Ужин был скудным — похлёбка с репой, хлеб, немного сыра. Гарт ел молча, глядя в стол. Дерк рассказывал про ярмарку:

— В Плёсе народу будет — не протолкнуться. Говорят, в этом году даже из Устья торговцы приедут. Привезут ткани, ножи, всякое.

— Нам бы плуг новый, — сказал Гарт. — Старый совсем развалился. И инструменты — молоток сломался, пила затупилась.

— И мне бы нож, — вставил Питер.

Гарт посмотрел на него. Питер опустил глаза, но не отступил.

— Посмотрим, — сказал Гарт. — Если зерно продадим хорошо — может, и нож.

Мол слушал и чувствовал, как в груди что-то шевелится. Праздник. Музыка. Толпа. Может, он увидит Веру — девчонку из соседнего села, которая в прошлом году победила на состязании лучников. Она была быстрая, острая на язык и смотрела на него так, будто видела насквозь. Мол не знал, нравится ему это или пугает.

— А мне можно? — спросил он.

— Всем можно, — сказал Гарт. — Праздник. Люди должны отдыхать.

Мол лёг спать с мыслью о Плёсе. А за окном снова собирался дождь.

Глава 2.
Праздник Урожая

В Плёс выехали затемно.

Гарт хотел добраться до полудня, пока на ярмарке ещё есть место для телеги. Ветку запрягли в повозку, нагрузили мешками с зерном — прошлогодним, самым лучшим, которое Нида отобрала ещё с осени. Дерк сидел на облучке, Гарт рядом. Мол, Питер и Нида устроились в повозке, среди мешков, укрывшись от мороси старым парусиновым тентом.

Дорога вилась между холмами. Мол смотрел по сторонам и чувствовал, как внутри что-то подпрыгивает — не от тряски, а от предвкушения. Он редко бывал в Плёсе. Раз в год, на праздник, — и каждый раз это было как попасть в другой мир.

— Долго ещё? — спросил Питер, прижавшись к борту. Он пытался что-то строгать, но от тряски нож соскакивал.

— К полудню будем, — ответил Гарт, не оборачиваясь. — Не гони.

Дерк хлестнул Ветку вожжами — скорее для порядка, чем всерьёз. Кобыла даже ухом не повела. Она знала эту дорогу не хуже Дерка.

Плёс показался внезапно. За поворотом дороги лес расступился, и открылась долина — широкая, зелёная, с рекой, блестящей в свете Хамфы. А в долине — село. Не такое, как их ферма, не маленькое, как соседние деревни. Плёс раскинулся на двух холмах, и Ветлуга огибала его с трёх сторон. Дома — крепкие, каменные, с черепичными крышами. На главной площади, у слияния двух рек, возвышался каменный круг — старый, поросший мхом, с алтарём посередине.

Мол привстал, держась за борт.

Вокруг каменного круга уже толпился народ. Торговцы раскладывали товар, дети бегали с воплями, женщины в нарядных платьях несли корзины с едой. Где-то играла скрипка, где-то стучал барабан. Пахло жареным мясом, свежим хлебом и пряностями.

— Ничего себе, — выдохнул Питер.

— Ага, — согласился Мол. — Каждый год одно и то же. И каждый год — как впервые.

Гарт остановил повозку на краю ярмарки. Дерк спрыгнул, начал распрягать Ветку. Нида тут же взялась командовать:

— Мол, помоги Дерку. Питер, не сиди, разгружай мешки. Гарт, ты куда? Нам ещё место для торговли найти надо.

Гарт молча пошёл искать место. Мол взялся за мешок — тяжёлый, зерно ссыпалось в одну сторону, и мешок перекосило. Он потащил его к телеге, которую уже освобождали.

— Эй, осторожнее! — крикнул кто-то. — Не рассыпь.

Мол обернулся.

Перед ним стояла девчонка. Примерно его возраста, может, чуть старше. Худая, но жилистая, с острыми локтями и коленками, которые торчали из-под короткого платья. Волосы тёмные, заплетённые в две косы, которые торчали в стороны, как рога. В руках — лук. Настоящий, не игрушечный. И смотрела она на него так, будто он был не мешком с зерном, а чем-то интересным.

— Ты чего? — спросил Мол.

— Ничего. Просто смотрю, как ты мешок таскаешь. Спина прямая, ноги на ширине плеч. Правильно. Не надорвёшься.

Мол опустил мешок. Уставился на неё.

— Ты кто?

— Вера. Из Сосновки. — Она кивнула на лук. — Собираюсь сегодня выиграть состязание. Опять.

— Опять?

— В прошлом году выиграла. И позапрошлом. — Она ухмыльнулась. — Ты, наверное, тот парень, который в прошлом году на меня смотрел, как баран на новые ворота.

Мол почувствовал, как краснеет. Он действительно смотрел на неё в прошлом году. Она тогда победила в стрельбе — попала в яблоко на столбе с тридцати шагов, и толпа ревела так, что у Мола заложило уши.

— Я не смотрел, — соврал он.

— Смотрел. У тебя лицо было такое… — она вытаращила глаза и приоткрыла рот. — Как у рыбы.

— Ничего подобного.

— Подобного. — Она засмеялась — звонко, необидно. — Ладно, не обижайся. Я просто запоминаю лица. А твоё… ну, у тебя волосы смешные. Торчат в разные стороны.

Мол машинально провёл рукой по голове. Волосы действительно торчали — он с утра не причесался.

— У тебя тоже, — буркнул он.

— Знаю. — Вера ничуть не обиделась. — Мне так удобнее. Ветер в лицо не задувает.

Она повернулась и пошла прочь, к стрелковому полю, где уже собирались лучники. Мол смотрел ей вслед и чувствовал, что краснеет ещё сильнее.

— Это кто была? — спросил Питер, подходя с мешком на плече.

— Вера. Из Сосновки. — Мол поднял свой мешок. — Она будет сегодня стрелять.

— Она тебе понравилась?

— Заткнись.

Питер ухмыльнулся — точно как Дерк, — но ничего не сказал.

К полудню ярмарка гудела. Мол никогда не видел столько народа сразу. Торговцы кричали, расхваливая товар. Покупатели торговались, размахивали руками, уходили и возвращались. Где-то играла скрипка, где-то стучал барабан.

Гарт нашёл место у каменного круга — не самое лучшее, но с него было видно всё. Он разложил мешки с зерном, поставил табличку с ценой. Нида встала рядом, скрестив руки, готовая торговаться до последней монеты.

— Мол, — позвал Гарт. — Сходи посмотри, что почём. Мне нужен плуг. И молоток. И пила.

— А мне нож! — крикнул Питер из-за мешков.

— Посмотрим, — повторил Гарт.

Мол пошёл вдоль рядов. Он не собирался ничего покупать — просто смотреть. Но глаза разбегались. Вот торговец тканями — красные, синие, зелёные отрезы, которые блестели в свете Хамфы. Вот кузнец — молотки, пилы, гвозди, ножи. Вот женщина с горшками — глиняными, расписными, таких Мол не видел даже у богатых соседей.

— Эй, парень!

Мол обернулся. На краю ярмарки, у большого шатра, стоял человек. Высокий, широкоплечий, в тёмной куртке. На левой щеке — шрам. Глубокий, кривой, от угла глаза до подбородка. Он улыбался — широко, добродушно, — и в этой улыбке не было ничего злого.

— Ты из «Тихого колоса»? Гарта сын?

Мол кивнул, не понимая.

— Хороший урожай в этом году? — Человек подошёл ближе, всё так же улыбаясь. — Я слышал, у вас дожди. Многие жалуются.

— Не очень, — ответил Мол. — Вода стоит в низинах. Но отец говорит, что-то соберём.

— Это хорошо. — Человек кивнул. — Передай отцу, что если что — пусть заходит. Я тут по торговой части. Могу помочь с долгами. Или с отсрочкой.

Мол нахмурился. Он не понимал, о чём речь.

— Какие долги?

— Разные. — Человек подмигнул. — Ну, ты не бери в голову. Просто передай. Гарт знает.

Он хлопнул Мола по плечу — тяжело, но не больно — и ушёл к шатру, где его уже ждали двое. Мол смотрел ему вслед и чувствовал что-то нехорошее. Что-то, чему не мог дать названия.

Потом он забыл об этом.

Состязание лучников началось после полудня. Мол пробрался поближе к стрелковому полю — длинному лугу за каменным кругом, где поставили мишени. Вера стояла среди других лучников — пять парней и три девчонки. Она была самой младшей, но держалась так, будто уже выиграла.

— Смотри, — сказал Питер, который увязался за Молом. — Она сейчас как начнёт.

Вера вышла первой. Натянула лук — плавно, без усилия. Прищурилась. Выпустила стрелу. Та вонзилась в центр мишени — прямо в яблоко, нарисованное углём.

Толпа ахнула. Мол тоже ахнул — не смог удержаться.

— Видишь? — Вера обернулась и подмигнула ему. — А ты говорил — волосы смешные.

Мол не нашёл, что ответить. Питер рядом захихикал.

Вера выиграла. Конечно, выиграла. Она получила приз — небольшой кожаный кошель с монетами и венок из сухих колосьев, который ей надела на голову какая-то важная тётка. Вера надела венок, но он съехал ей на одно ухо, и она шла по ярмарке с этим венком на ухе, и ей было всё равно.

— Поздравляю, — сказал Мол, когда она проходила мимо.

Она остановилась:

— Спасибо. А ты, я смотрю, так и не научился стрелять.

— Не научился.

— Хочешь, научу?

Мол удивился:

— Ты серьёзно?

— Ага. — Вера сняла венок и надела его на Мола. — Держи. За победу. И приходи завтра на луг за околицей. Научу тебя стрелять. Заодно расскажешь, почему ты смотришь на меня, как рыба.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Мол остался стоять с венком на голове, и сердце у него колотилось так, что он слышал его в ушах.

К вечеру, когда Хамфа начала клониться к закату и небо стало совсем багровым, к каменному кругу вышел старик. Старый-престарый, сгорбленный, с длинной седой бородой, которая волочилась по земле. Он опирался на палку, но глаза у него были острые, как у молодого.

— Слушайте! — крикнул он. — Слушайте, люди! Я расскажу вам о Старом мире.

Толпа начала собираться. Мол тоже подошёл. Питер встал рядом.

— Давно это было, — начал старик. — Так давно, что никто не помнит. Тогда люди летали по небу, как птицы. У них были машины, которые двигались сами. Они говорили с богами — и боги отвечали им. А потом люди возгордились. Начали воевать. И боги рассердились и сожгли весь мир. Остались только мы — дети пепла. И острова. И звёзды над головой.

— А правда, что на Горгате кто-то живёт? — спросил Мол.

Старик посмотрел на него. Долго. Потом усмехнулся:

— На Горгате? Там только камни и ветер. Никто там не живёт, парень. И не жил никогда. — Он развёл руками. — Но это сказки. А вы — ешьте, пейте, веселитесь. Праздник ведь.

Толпа начала расходиться. Мол стоял и думал. Про Горгат. Про Старый мир. Про то, что где-то там, за горизонтом, может быть, есть что-то ещё.

— Пойдём, — сказал Питер. — Нида зовёт. Ужин.

Мол пошёл за ним. Но слова старика не выходили из головы.

Ночью, когда все спали — кто в повозке, кто прямо на земле под тентом, — Мол лежал с открытыми глазами. Смотрел на звёзды — Хамфу, которая уже скрылась, и Храм, который

мерцал в вышине, тусклый и далёкий. Думал про Веру. Про её улыбку. Про венок, который она надела ему на голову.

А где-то на краю ярмарки, у большого шатра, человек со шрамом считал монеты. И улыбался — широко, добродушно, как человек, у которого всё под контролем.

Глава 3.
Проклятые дожди

Домой вернулись к вечеру следующего дня.

Дерк всю дорогу насвистывал — какую-то глупую песенку, которую услышал на ярмарке. Питер бережно держал в руках новый нож — небольшой, с деревянной рукоятью, который Гарт всё-таки купил, выторговав у кузнеца за полцены. Нида спала, привалившись к мешку с крупой, и даже во сне её губы шевелились — считала расходы.

Мол смотрел на дорогу и думал о Вере. О венке, который она надела ему на голову. О том, как она сказала: «Приходи завтра на луг». Он не знал, когда сможет прийти. Завтра они будут дома. Послезавтра — работа. Может, через неделю. Может, никогда. Он вдруг понял, что даже не спросил, где именно этот луг. И не узнал, из какого она села. Сосновка. Где это? Он не знал.

Он даже не заметил, когда небо снова затянуло.

Дождь начался ночью. Мол проснулся от стука по крыше — сначала редкого, потом всё более частого. К утру он превратился в сплошную стену воды. Гарт стоял у окна, глядя на двор, и молчал. Мол знал это молчание. Оно было хуже любого крика.

— Опять, — сказала Нида, ставя на стол кашу. — Третий день.

— Четвёртый, — поправил Гарт, не оборачиваясь.

— И сколько ещё?

— Не знаю. — Гарт отошёл от окна, сел за стол. — Ешьте. Потом пойдём смотреть.

Смотреть было на что. Поле за домом — то самое, которое засеяли весной, — превратилось в болото. Вода стояла ровным слоем, в котором отражалось серое небо. Там, где должны были выситься зелёные стебли, торчали жёлтые верхушки — пшеница гнила на корню. Корни не выдерживали, стебли ломались от тяжести воды.

Гарт ступил в поле и сразу утонул по щиколотку. Вытащил один колос, размял в пальцах. Зерно было крошечным, бледным, источало кисловатый запах.

— Погибло, — сказал он глухо. — Две трети поля. Может, больше.

— Если так пойдёт, — начал Дерк, — то через неделю…

— Я знаю, что через неделю. — Гарт сунул колос в карман. — Не надо мне объяснять.

Мол стоял рядом и молчал. Он не разбирался в урожае так, как отец, но даже он видел: дела плохи. Пшеница, которую они растили с весны, которую пололи, окучивали, берегли от птиц, — погибала. И не от болезни, не от вредителей, а от воды, с которой ничего нельзя было сделать.

Дождь лил весь день. И следующий. И ещё три дня после.

На шестой день Гарт собрал всех в доме. Он сидел за столом, перед ним лежала берестяная коробка с расчётами — туда он складывал долговые расписки и записи о продажах. Рядом — мешочек с деньгами. Последние серебряные монеты, которые удалось скопить.

— Слушайте, — сказал он. — Налог лорду Эртону через две недели. Обычная доля — треть урожая или серебром. Урожая нет. Значит, платить будем тем, что есть.

Он высыпал монеты на стол. Мелочь. Меди больше, чем серебра.

— Сколько тут? — спросил Дерк.

— Две трети от налога. Не хватает.

— Продадим корову? — предложил Питер.

Гарт покачал головой:

— Если продадим корову, чем весной пахать? Без скотины мы и это поле не обработаем.

— А без налога лорд у нас это поле отнимет, — сказал Дерк. — Так что выбирай, отец.

Гарт посмотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом. Дерк не отвёл глаз.

— Завтра поеду к управляющему, — сказал Гарт после паузы. — Попрошу отсрочку до осени. Может быть, сжалятся.

— Не сжалятся, — буркнул Дерк. — Они ещё ни разу не сжалились.

Мол слушал и чувствовал, как в груди что-то сжимается. Он вспомнил человека на ярмарке — высокого, со шрамом. «Передай отцу, что если что — пусть заходит. Могу помочь с долгами». Тогда Мол не придал значения. Теперь — вспомнил.

— Отец, — сказал он. — На ярмарке ко мне подошёл человек. Сказал, что может помочь с долгами. У него шрам на щеке.

Гарт медленно поднял голову. Посмотрел на Мола. Долго.

— Ты с ним говорил?

— Он сам подошёл. Сказал — передай отцу.

— Что ещё он сказал?

— Сказал, что он по торговой части. И что ты знаешь.

Гарт откинулся на спинку стула. Лицо у него стало серым — не от усталости, от чего-то другого.

— Это был Косой Бенн, — сказал он тихо. — Сборщик долгов. Он работает на управляющего Гельма. А Гельм — на лорда Эртона.

— Я думал, он торговец, — растерялся Мол.

— Он и есть торговец. Только торгует не товаром. Он торгует людьми. — Гарт сжал кулаки. — Если он предлагает помощь — значит, хочет что-то взамен. Что-то, что мы не сможем отдать.

В доме стало тихо. Дождь барабанил по крыше. Мол смотрел на отца и чувствовал, как что-то в нём меняется. Он не понимал до конца, что происходит. Но понимал: над ними нависла беда. Большая. Такая, от которой не убежать и не спрятаться.

Ночью Мол не мог уснуть. Он лежал и слушал, как в соседней комнате отец ходит из угла в угол. Скрип половиц. Пауза. Снова скрип. Пауза. И так до утра.

Утром Гарт оседлал Ветку и уехал в Малый Узел — просить отсрочку у управляющего Гельма. Мол смотрел ему вслед из окна. Ветка шла медленно, увязая в грязи. Гарт сидел прямой, как палка, и не оборачивался.

— Вернётся ни с чем, — сказал Дерк из-за спины. — Я этих людей знаю. Они не дают отсрочек.

— Заткнись, — буркнул Мол.

Дерк не ответил. Только сплюнул на пол и отвернулся к стене.

День тянулся медленно. Мол натаскал воды из колодца — три ведра вместо обычных двух, просто чтобы занять руки. Питер мастерил новую лопату — старую сломал, когда пытался откопать дренажную канаву. Дерк ушёл в поле проверять, не полегла ли оставшаяся пшеница. Вернулся мрачнее тучи.

— Ещё один такой ливень, — сказал он, — и всё. Даже то, что стоит, сопреет.

Мол кивнул, не слушая. Он смотрел на дорогу.

К полудню небо снова затянуло, и пошёл мелкий, противный дождь. Не ливень, каким тот был раньше, а нудная морось, от которой сыреет всё — одежда, дрова, настроение. Мол и Питер сидели в доме и молчали. Дерк вышел в хлев, сказал, что надо подстелить свежей соломы.

В сумерках, когда уже начало темнеть, они услышали шаги лошади. Мол выскочил первым.

Ветка брела по дороге одна. Уздечка болталась на шее, седло съехало набок, стремена бились по бокам. Гарта в седле не было.

Сердце Мола ухнуло. Он побежал к лошади, поскользнулся на мокрой траве, упал, поднялся, схватил Ветку под уздцы. Кобыла фыркнула и косо поглядела на него влажным глазом.

— Где отец? — крикнул он, будто лошадь могла ответить.

Из дома выскочил Дерк, за ним Питер. Дерк быстро осмотрел седло:

— Кровь.

И правда — на луке седла темнели бурые пятна. Не свежие, уже засохшие.

— Надо искать, — сказал Питер, и голос у него дрожал.

— По дороге, — скомандовал Дерк. — Мол, бери фонарь. Питер, оставайся, зажги печь и грей воду.

Мол уже схватил масляный фонарь, дрожащими руками зажёг фитиль. Они с Дерком пошли по колено в грязи, высматривая следы. Дождь смыл большую часть, но кое-где остались вмятины от копыт и глубокие полосы — будто волокли что-то тяжёлое.

Через полчаса они нашли его.

Гарт лежал в придорожной канаве, лицом вниз. Под ним наросла лужа из дождевой воды и крови. Штаны разорваны, рубаха превратилась в лохмотья. Спина была чёрной от побоев — кто-то бил его палкой или плетью, долго и методично.

Мол споткнулся, упал на колени, перевернул отца. Гарт был жив. Глаза открыты, дышит прерывисто, изо рта сочится кровавая слюна.

— Отец… — прошептал Мол.

— Мол… — Гарт попытался приподняться, но застонал и снова упал. — Они… не дали… слова сказать…

Дерк подхватил отца под мышки, Мол взял за ноги. Вдвоём они дотащили его до дома. Питер открыл дверь раньше, чем они подошли — видно, высматривал. Увидев отца, он побледнел, но не заплакал, только стиснул зубы и бросился стелить на лавку чистое тряпьё.

Они уложили Гарта на лавку у печи. Питер подал тёплую воду и тряпки. Мол начал осторожно раздевать отца. Каждое движение заставляло Гарта шипеть от боли. Тело было сплошным синяком — там, где кожа не лопнула, она вздулась багровыми полосами.

— Кто? — спросил Дерк, и голос его звучал не как вопрос, а как приговор.

— Управляющий… — выдохнул Гарт. — Гельм… его люди… Я только вошёл, сказал про дожди… Гельм велел бить. Сказал… — Гарт закашлялся, сплюнул кровь, — сказал, что лорд Эртон не принимает отсрочек. Налог будет двойной. И если мы не заплатим через две недели, он отберёт землю и скот.

— Двойной? — переспросил Питер. — Но у нас нет даже на обычный!

— Вот именно, — прохрипел Гарт. — Они хотят, чтобы мы ушли. Чтобы землю отдать своим.

Мол выпрямился. Пальцы его дрожали, но внутри разрасталась странная, холодная тишина, как тогда, когда он стоял на краю обрыва и смотрел в пропасть.

— Мы не уйдём, — сказал он.

Гарт посмотрел на него. В глазах отца была усталость, такая глубокая, что в ней утонула бы любая надежда.

— Сынок, — тихо сказал он. — Иногда уходить — это единственное, что остаётся.

Мол покачал головой.

— Нет. Я не дам им отобрать наш дом.

Дерк хмыкнул, но ничего не сказал. Питер молча растирал отцу спину мазью из коры ивы, единственным средством, которое у них было от боли.

За окном снова зарядил дождь.

Глава 4.
Унижение

Две недели прошли как в тумане.

Гарт не вставал с лавки. Ребра срослись неправильно — Питер, который щупал их осторожно, сказал, что одно ребро торчит не туда, и дышать отцу больно. Он почти не ел. Нида поила его отваром из коры, меняла повязки, но толку было мало. Гарт таял на глазах, как свеча.

Налог не собрали. Даже близко. То, что удалось скопить, ушло на мази и травы. Дерк продал соседу старую упряжь, которую ещё дед справил, — выручил горсть меди. Нида вытрясла все закрома, собрала остатки прошлогоднего зерна — горсть на горсть, мера на меру. К концу второй недели у них было две трети нужной суммы. Не двойного налога — обычного. Того, который требовали в прошлом году.

— Если отдать это, — подсчитывал Дерк, водя пальцем по доске, — у нас не останется ничего. Ни на еду, ни на семена к весне.

— Если не отдать, — ответил Мол, — у нас не останется земли.

Решили платить. Хотя бы то, что есть. Авось Гельм примет, доложит лорду, а там… там Гарт выздоровеет, и они что-нибудь придумают.

Но отвезти деньги было некому. Гарт лежал. Дерк не мог оставить хозяйство — коровы, куры, Ветка, которая тоже начала хромать. Питер был слишком мал, чтобы говорить с управляющим. Нида — девчонка, её Гельм и слушать не станет.

Мол вызвался сам.

— Ты? — Дерк усмехнулся. — Ты же слова связать не можешь. Он тебя и на порог не пустит.

— Пустит, — сказал Мол. — Я скажу, что отец болен. Что мы заплатим, что просим отсрочку на остальное. Может, он войдёт в положение.

— Не войдёт.

— Тогда я хотя бы попробую.

Дерк долго смотрел на него. Потом махнул рукой:

— Иди. Только деньги не потеряй.

Малый Узел стоял на перекрёстке двух дорог — одна вела в Плёс, другая в Устье, к морю. Городок был больше их деревни, но меньше Плёса. Дома каменные, крыши черепичные, на главной площади — колодец с железным воротом и лавка, где торговали всякой всячиной.

Дом управляющего Гельма стоял на холме, за каменной стеной. Мол видел его издалека — двухэтажный, с черепичной крышей и флюгером в виде петуха. У ворот стояли двое — не стражники, а так, мужики с дубинами. Один зевнул, другой сплюнул.

— Чего надо? — спросил тот, что сплюнул.

— Я к управляющему. По делу. Налог принёс.

Мужик оглядел его с ног до головы. Мол знал, как он выглядит — худой, в отцовской куртке, которая была ему велика, с мешком за плечами. Не богач. Не важная птица.

— Жди, — сказал мужик и ушёл за ворота.

Мол ждал. Час. Потом ещё час. Хамфа клонилась к закату, заливая улицу багровым. Мол сидел на камне у ворот, сжимая мешок с деньгами, и смотрел, как мимо проходят люди. Кто-то смотрел на него с жалостью. Кто-то отводил глаза.

Наконец ворота открылись. Мужик кивнул:

— Заходи. Управляющий ждёт.

Мол поднялся. Ноги затекли. Он вошёл во двор — мощёный, чистый, с клумбой посередине. В клумбе росли цветы, которых Мол никогда не видел — яркие, красные, с толстыми стеблями. Он не знал, как они называются. Просто отметил, что они красивые. И что на них ушло бы много денег.

В доме пахло воском и чем-то сладким. Мол шёл за мужиком по коридору, мимо закрытых дверей, мимо портретов на стенах — важных людей в дорогих одеждах. У одной двери мужик остановился:

— Здесь.

Мол вошёл.

Кабинет был большой. Стол — тяжёлый, дубовый, с резными ножками. На столе — бумаги, чернильница, перья. За столом сидел человек. Жирный. Не толстый — именно жирный, с оплывшим лицом и маленькими глазками, которые смотрели на Мола с ленивым интересом. Управляющий Гельм. Мол узнал его сразу — он видел его мельком на ярмарке, когда Гельм проходил мимо, окружённый свитой.

— Ну? — сказал Гельм. — Что у тебя?

Мол шагнул вперёд. Положил мешок на стол. Развязал. Высыпал монеты — медные, серебряные, несколько золотых, которые Нида достала из старого сундука, из дедова наследства.

— Это налог, — сказал Мол. — Не весь. Две трети. Отец болен. Он не может работать. Мы просим отсрочку на остальное. До осени. Мы заплатим. Честно.

Гельм посмотрел на монеты. Потом на Мола. Потом снова на монеты. Усмехнулся — не зло, а как-то лениво, будто ему было скучно.

— Две трети, — сказал он. — А надо — двойной налог. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Но у нас нет больше. Совсем нет.

— А мне какое дело? — Гельм откинулся на спинку стула. — Лорд Эртон не просит. Лорд Эртон требует. Если вы не можете заплатить — значит, вы не можете работать на земле. А если не можете работать — зачем вам земля?

Мол почувствовал, как внутри что-то сжимается. Он знал, что будет трудно. Но не думал, что будет настолько.

— Мы можем работать, — сказал он. — Просто нужно время. Отец поправится…

— Твой отец, — перебил Гельм, — сам виноват. Надо было платить вовремя. А он пришёл, начал говорить про дожди, про урожай. Как будто лорда Эртона волнует, сколько у вас там выросло. — Он подался вперёд. — Лорду нужны деньги. Понимаешь? Деньги. А не ваши оправдания.

Мол молчал. В горле стоял ком.

— Ладно, — сказал Гельм, и голос его стал мягче. — Я не зверь. Я дам тебе шанс. — Он взял со стола лист бумаги. — Вот. Долговая расписка. Ты подписываешь — и я даю вам отсрочку на месяц. Но сумма будет уже не двойная, а тройная. И если через месяц не заплатите — земля переходит лорду. И вы уходите. Все. С чем сможете унести.

Мол смотрел на бумагу. Он плохо читал — Нида учила его, но буквы расплывались. Он разобрал только цифры. Тройная сумма. Месяц. Земля.

— Это грабёж, — сказал он тихо.

— Это торговля, — ответил Гельм. — Я предлагаю тебе сделку. Ты можешь отказаться. Тогда я отправлю к вам своих людей. И они заберут всё. Сразу. И землю, и скот. И дом. — Он улыбнулся. — А так у вас будет месяц. Может, успеете что-то придумать. Ну?

Мол стоял. В голове шумело. Он вспомнил отца — на лавке, с запёкшейся кровью на губах. Вспомнил Ниду, которая плакала в подушку, чтобы никто не слышал. Вспомнил Питера, который молча строгал свои ложки, потому что не знал, что ещё делать. Вспомнил Дерка, который в последние дни почти не разговаривал.

— Я не буду подписывать, — сказал он.

Гельм поднял бровь:

— Что?

— Я не буду подписывать, — повторил Мол. Голос его дрожал, но он говорил. — Это несправедливо. Мы работали. Мы платили. Мы не виноваты, что пошли дожди. Отец не виноват. Вы не имеете права забирать у нас землю.

Гельм смотрел на него. Долго. Потом засмеялся — негромко, но так, что Молу стало тошно.

— Сынок, — сказал он. — Ты, видимо, не понимаешь, где находишься. Здесь не суд. Здесь я. И я говорю тебе: либо ты подписываешь, либо завтра мои люди придут и заберут всё. Выбирай.

Мол молчал. Он чувствовал, как в груди что-то горит — не ярость, не страх, что-то среднее. Он хотел броситься на Гельма. Хотел ударить его. Хотел разбить ему лицо. Но он знал: если он это сделает — всё кончится. Для него. Для семьи. Для всех.

— Я не подпишу, — сказал он в третий раз.

Гельм пожал плечами:

— Как хочешь. — Он кивнул мужику у двери. — Выведи его.

Мужик схватил Мола за плечо. Мол вырвался:

— Я сам.

Он вышел. Во дворе стоял тот же мужик с дубиной. Мол прошёл мимо, не глядя. Вышел за ворота. И только там, на дороге, когда дом Гельма скрылся за поворотом, он остановился.

Ноги не держали. Он сел на камень у обочины и уставился в землю. Внутри было пусто. Он не подписал. Но он и не спас их. Он просто отсрочил неизбежное. На день. На два. Может, на неделю.

Он вернулся домой к вечеру. Нида выбежала навстречу:

— Ну что?

Мол посмотрел на неё. На её бледное лицо, на тёмные круги под глазами. На Дерка, который стоял в дверях, скрестив руки. На Питера, который выглядывал из-за его спины.

— Не подписал, — сказал он. — Но они придут. Завтра или послезавтра. Заберут всё.

Нида закрыла лицо руками. Дерк выругался. Питер молчал.

А Мол стоял и думал: «Я не должен был возвращаться. Я должен был остаться там. Убить его. Умереть. Что угодно. Только не это».

Ночью он не спал. Лежал и слушал, как в соседней комнате отец кашляет — тяжело, с хрипом. И думал о том, что будет завтра.

Глава 5.
Ночь длинных ножей

Ждали их на следующий день. И на следующий. И ещё через день.

Мол не находил себе места. Выходил во двор, смотрел на дорогу — пустую, размытую дождём — и возвращался в дом. Нида молчала. Дерк точил нож — старый, дедовский, с широким лезвием. Питер сидел у окна, глядя на улицу, и что-то строгал. Мол не знал, что именно. Казалось, он даже не смотрел на руки.

Гарт лежал на лавке. Дышал тяжело, с хрипом. Иногда открывал глаза, смотрел на детей и снова закрывал.

На третий день, когда стало совсем темно — Хамфа уже скрылась, и только Храм мерцал в вышине, тусклый, далёкий, — на дороге показались факелы.

Мол увидел их первым. Он стоял у окна, вглядываясь в темноту, и вдруг заметил: огоньки. Много. Они двигались, извиваясь по дороге между деревьями, как огненная змея.

— Дерк, — позвал он. Голос сел.

Дерк подошёл, глянул. Лицо его стало каменным.

— Не Гельм, — сказал он. — Гельм не стал бы жечь столько факелов. Это не сборщики налогов.

— Тогда кто?

Дерк не ответил. Взял со стены нож — дедовский, с широким лезвием. Питер вжался в угол, сжался в комок. Гарт на лавке открыл глаза, попытался сесть, не смог.

— Выходи, — прошептал отец. — Выходите все. Бегите в лес.

— Не успеем, — сказал Дерк. — Они уже у ворот.

И правда. Всадники въехали во двор, не спешиваясь. Их было шестеро. Все в кожаных куртках поверх кольчуг — откуда у обычных бандитов кольчуги? — лица скрыты под масками из грубой мешковины с прорезями для глаз. Впереди — плюгавый кривоногий мужик с огромным тесаком на поясе. Без маски. Шрам на левой щеке, глубокий, кривой, от угла глаза до подбородка.

Мол узнал его сразу. Человек с ярмарки. Который улыбался, хлопал по плечу, предлагал помощь.

Косой Бенн.

Бенн спрыгнул с лошади, хрустнул шеей и направился к дому. Его люди остались во дворе, двое спешились, начали обходить амбар.

Дверь распахнулась от удара ногой. Бенн вошёл, никого не спросясь.

— Где хозяин? — спросил он, обводя взглядом комнату.

Мол стоял у печи. Питер забился за лавку. Дерк вышел вперёд, прикрывая отца.

— Я тут за старшего, — сказал Дерк, и голос его не дрогнул, хотя Мол видел, как ходуном ходят пальцы, сжимающие нож.

— А, — протянул Бенн. — Ты тот рыжий. А где старик?

— Отец болен.

— Болен, значит. — Бенн усмехнулся, обнажив гнилые зубы. — А налог платить не болен?

— У нас есть две трети, — сказал Дерк. — Обычного налога, не двойного. Мы отдадим. Остальное соберём к весне.

Бенн медленно покачал головой, словно учитель, разочарованный учеником.

— Слушай, рыжий. Лорд Эртон не обсуждает свои налоги. Он их назначает. А Гельм, мой хороший знакомец Гельм, передал лорду, что вы тут… возмущаетесь. Что ваш отец на повышенных тонах разговаривал. Нехорошо. Лорд не любит, когда с его людьми разговаривают на повышенных тонах.

— Отец просто просил отсрочку из-за дождей, — вмешался Мол. Он не планировал говорить, но слова вырвались сами.

Бенн перевёл взгляд на него. Серые глаза бандита сузились.

— Это кто у нас? Ещё один? Сколько вас тут?

— Трое сыновей, — сказал Дерк. — Мы никого не звали. Мы просто хотим заплатить и жить мирно.

— Поздно мирно, — Бенн щёлкнул пальцами. Один из его людей вышел вперёд, поднёс к лицу Дерка факел. — Лорд велел показать пример. Чтобы все знали: кто не платит — теряет всё.

— Мы заплатим! — крикнул из угла Питер. Голос его сорвался на петушиный фальцет.

— Слышь, Бенн, — сказал один из бандитов, заглянув в хлев. — Там четыре коровы. Неплохие.

— Скот забрать, — скомандовал Бенн, не глядя. — Зерно ссыпать в мешки. А с домом — как обычно.

Дерк шагнул вперёд:

— Не трогайте коров. Без них мы умрём к весне.

— Это не моя проблема.

Дерк выхватил нож. Мол рванулся к нему, хотел удержать, но брат уже был вне себя. Он замахнулся на Бенна.

Тот даже не шевельнулся.

Один из его людей ударил Дерка рукоятью меча по голове. Дерк упал. Нож отлетел в сторону.

— Брат! — закричал Питер и выскочил из-за лавки.

Бандит ткнул его в живот. Питер сложился пополам, упал на колени.

Гарт на лавке попытался подняться, открыл рот, чтобы что-то сказать, но Бенн уже подошёл к нему.

— А, старый. Сам вышел. Хорошо.

Он достал тесак.

— Нет, — прошептал Мол.

Бенн даже не посмотрел в его сторону.

— Забирайте всё, — бросил он своим людям. — Я сейчас.

Тесак опустился. Один раз. Два.

Гарт захрипел и затих.

Мол замер. В ушах звенело. Мир вокруг стал медленным, как патока зимой. Он видел, как Дерк пытается встать, но его бьют ногой в лицо. Как Питер ползёт к отцу, растирая ладонями кровь на полу, которая уже не принадлежала живому человеку. Как бандиты смеются.

Он не помнил, как оказался в погребе. Ноги сами понесли. Руки сами откинули половик, сами открыли люк в полу, сами опустили его обратно. Темнота. Запах сырой земли и гнилых овощей. Он зажал рот ладонью, чтобы не слышно было дыхания.

Сверху топали сапоги. Грохотали. Кто-то чертыхнулся, споткнувшись об опрокинутую табуретку.

— Где третий? — спросил голос. — Был же пацан, тёмненький.

— В лес ушёл, пёс, — буркнул другой. — Да и хрен с ним. Одним нищим меньше.

— Бенн скажет — искать будем.

— Бенну сейчас не до того. Грузи телегу.

Хлопнула дверь. Потом — второй удар. Кто-то выбил косяк. Лошади заржали. Скрип колёс. Шум дождя — он опять начался, тот самый, нудный, всепроникающий.

Мол сидел в погребе и сжимал колени. Слёз не было. Только сухой, жёсткий ком в горле, который не проглатывался и не выкашливался.

Он просидел так до глубокой ночи.

Когда под землёй стало совсем темно, он выбрался.

В доме всё было разбито и перевёрнуто. Печь развалили — искали тайники. Стол расколот. Лавки поломаны. Пол в крови — отцовской, братской, чужой. Питер лежал у стены с проломленной головой. Дерк — у порога, с ножом в спине. Гарт остался там, где его убил Бенн, — на лавке, с открытыми глазами.

Мол подошёл к отцу. Закрыл ему веки.

Потом сел на пол, прямо в лужу крови, и выдохнул:

— Я трус.

Никто не ответил.

Только дождь барабанил по крыше, словно кто-то бесконечно стучал в закрытую дверь.

Глава 6.
Четыре могилы

Мол не сразу вспомнил про Ниду.

Он сидел на полу в луже крови, смотрел на отца и братьев, и в голове было пусто. Только дождь стучал по крыше. Мол поднялся. Ноги не слушались, но он поднялся. Прошёл через дом, заглядывая в комнаты — разгромленные, пустые. В спальне Ниды всё было перевёрнуто: сундук открыт, одежда разбросана. Но самой Ниды не было.

Он вышел во двор. Дождь хлестал по лицу, холодный, злой. Обошёл амбар — пусто. Заглянул в хлев — пусто. Коров увели, вместе с ними — телёнка. Не осталось ничего. Только солома, пропитанная навозом, да пустые ясли.

Сарай стоял в конце двора, за поленницей. Дверь была приоткрыта.

Мол подошёл. Внутри пахло сеном и чем-то ещё — кислым, тяжёлым. Он толкнул дверь.

Нида лежала на сене. Платье разорвано, подол задран, ноги раскинуты. Руки вытянуты в стороны, будто она пыталась за что-то схватиться. Глаза открыты, смотрели в потолок — пустые, уже не видящие.

Мол замер на пороге. Он не мог двинуться. Не мог дышать.

Он видел её лицо — бледное, застывшее. Видел кровь на её губах, на шее, на груди. Видел синяки на запястьях — она вырывалась, она боролась. Видел всё это и не мог заставить себя сделать шаг.

Потом он всё-таки шагнул. Опустился на колени рядом с ней. Протянул руку, коснулся её щеки — холодной, твёрдой, чужой.

— Нида, — прошептал он.

Она не ответила.

Он поправил её платье — неуклюже, дрожащими пальцами. Закрыл ей глаза. Сложил руки на груди, как делали на похоронах. Попытался вспомнить слова, которые говорил старик на празднике — про Хамфу, про Храм, про свет и тепло. Но не смог. В горле стоял ком, и слова не шли.

Он сидел рядом с ней на сене и смотрел на её лицо. Долго. Может, час. Может, два. Дождь стучал по крыше сарая. Потом он встал и вышел.

Первым делом он закрыл ставни в доме — чтобы никто не видел, что внутри. Потом взял лопату. Ту самую, которую Питер чинил в последний день. Черенок был новый, гладкий, ещё пахнущий свежим деревом. Мол сжал его и вышел за дом, на пустырь.

Земля была тяжёлой. Мокрая, глинистая, она налипала на лопату, и каждый раз приходилось соскребать её о камень. Мол копал молча. Яму за ямой. Четыре. Для отца. Для Дерка. Для Питера. Для Ниды.

Он не считал время. Не чувствовал, как стираются ладони, как ломит спину. Просто копал. И когда ямы были готовы — неглубокие, но достаточные, — он вернулся в дом.

Первым он вынес отца. Гарт был тяжёлым — даже мёртвый, он оставался большим, широким, сильным. Мол тащил его на руках, обхватив за плечи, и ноги отца волочились по полу, оставляя тёмный след. Он уложил его в первую яму, поправил рубаху, сложил руки на груди.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За всё.

Потом Дерк. Мол вытащил нож из его спины — с трудом, с хрустом, — и положил рядом. Дерк всегда любил этот нож. Пусть будет с ним. Он уложил брата во вторую яму, закрыл ему глаза.

Питер был лёгким. Слишком лёгким. Мол нёс его на руках, как когда-то в детстве носил на плечах, когда Питер уставал идти. Он уложил его в третью яму и сунул ему в руку деревянную ложку — ту самую, с которой Питер спал.

Ниду он нёс последней. Долго стоял над ней в сарае, не решаясь коснуться. Потом всё-таки взял на руки. Она была холодной, окоченевшей. Мол нёс её через двор, и дождь смывал с её лица грязь и кровь.

Он уложил её в четвёртую яму. Поправил платье. Сложил руки на груди. Постоял.

— Прости, — сказал он. — Я должен был быть там. Я должен был что-то сделать.

Он не знал, что ещё сказать. Слова казались пустыми, ненужными. Но он всё равно стоял и говорил — пока не закончились слова.

Потом он взял лопату и засыпал ямы. Земля падала глухо, тяжело. Комья стучали о тела, и Мол вздрагивал каждый раз, но не останавливался. Засыпал. Ровнял. Утрамбовывал.

Когда всё было кончено, он воткнул в каждую могилу по палке. Просто палке — чтобы потом найти. Чтобы не забыть.

Дождь прекратился. Небо на востоке начинало светлеть — Хамфа поднималась, багровая, тяжёлая. Мол стоял над четырьмя холмиками и смотрел, как первые лучи ложатся на мокрую землю.

Он не плакал. Слёз не было. Только пустота — глубокая, холодная, как колодец.

Потом он вернулся в дом. В последний раз. Прошёл по комнатам, собирая то, что осталось: краюху хлеба, кусок сыра, нож, одеяло. Сунул в мешок. Огляделся — запоминая. Не для того, чтобы вернуться. Для того, чтобы помнить.

В сенях он остановился. Посмотрел на печь — разваленную, холодную. На лавку, где лежал отец. На пол, где осталась кровь. На стены, которые помнили смех Ниды, ворчание Дерка, тихие шаги Питера.

Он не мог их оставить. Не так. Не на растерзание дождю и ветру. Не на поругание тем, кто придёт потом — грабить, глумиться, искать, чем поживиться.

Мол взял лучину, зажёг от последнего уголька в печи. Поднялся на чердак — туда, где пахло пылью и сушёными травами. Где в старом сундуке лежала карта. Он достал её, сунул за пазуху. Потом спустился вниз.

Поднёс лучину к занавеске. Ткань вспыхнула сразу — сухая, старая. Огонь побежал по стене, по потолку, по лавкам. Мол стоял и смотрел, как разгорается пламя. Как оно лижет стены, как трещит дерево, как дым заполняет комнату.

Он вышел во двор, когда огонь уже ревел за спиной. Не оглядывался. Просто стоял и смотрел, как горит его дом. Как вместе с ним сгорает всё, что было. Вся жизнь. Всё детство. Всё, что он знал.

Когда крыша рухнула — с грохотом, с фонтаном искр, — Мол перекинул мешок через плечо. Взял топор — тяжёлый, надёжный, отцовский. И пошёл.

Он не оглядывался. На этот раз — не оглядывался.

Глава 7.
Лес

Лес принял его молча.

Мол шёл всю ночь. Сначала по дороге — по той самой, что вела от сожжённой фермы к тракту. Потом свернул в чащу: дорога была слишком открытой, слишком светлой, слишком похожей на ту, по которой он возвращался с ярмарки, когда всё ещё было хорошо. Он продирался через орешник, цепляясь курткой за сучья, спотыкался о корни, падал, поднимался и шёл дальше. Дождь прекратился, но с деревьев капало — тяжёлые холодные капли падали за шиворот, и Мол вздрагивал каждый раз, но не останавливался.

К утру он выдохся. Сел под старой елью, прислонился спиной к стволу. Ладони горели — он стёр их о лопату, а потом о ветки, и теперь на них вздулись волдыри. Мол посмотрел на свои руки и вдруг понял, что не помнит, как они выглядели раньше — до того, как он начал копать. Казалось, он копал всю жизнь.

Он достал из мешка краюху хлеба. Отломил кусок, положил в рот. Жевал долго, потому что не было слюны — всё пересохло. Хлеб казался безвкусным, как опилки. Мол всё равно съел его. Потом ещё кусок. Потом закрыл глаза.

Ему ничего не снилось. Просто темнота — глубокая, без снов. А когда он открыл глаза, было уже светло. Хамфа висела высоко, пробиваясь сквозь тучи бледным багровым пятном.

Мол поднялся. Тело ныло так, будто его били. Он не знал, куда идти. Раньше ему казалось, что он знает — к морю, к Устью, куда угодно, лишь бы прочь. Но теперь, стоя под елью

с мешком за плечами и топором за поясом, он понял, что не знает ничего. Куда идти? Что делать? Как выжить?

Он пошёл на восток. Просто потому, что там вставала Хамфа, а значит, там было светлее.

Лес тянулся на много вёрст. Мол шёл медленно, часто останавливаясь. Он не умел ходить по лесу — не знал, где можно пройти, а где трясина, где звериная тропа, а где бурелом. Он просто шёл, раздвигая ветки, и надеялся, что рано или поздно выйдет к людям.

К полудню он набрёл на ручей. Вода была холодной, прозрачной — Мол опустился на колени и пил долго, жадно, пока не заболели зубы. Потом умылся, смыл с лица грязь и кровь. Посмотрел на своё отражение — худое лицо, запавшие глаза, спутанные волосы. Не он. Кто-то другой.

Он сел у ручья и стал думать. Что он умеет? Он умел таскать воду, чистить хлев, помогать отцу в поле. Он умел держать топор и лопату. Он умел читать — плохо, но умел. Он не умел охотиться, не умел ставить силки, не умел находить съедобные коренья. Он не умел выживать в лесу.

Но он умел идти. Это было хоть что-то.

К вечеру он нашёл место для ночлега — под вывернутыми корнями старого дуба, в яме, прикрытой сверху землёй и мхом. Здесь было сухо и почти не дуло. Мол заполз внутрь, подстелил одеяло, накрылся курткой. Съел последний кусок сыра. Пить хотелось, но ручей остался далеко позади.

Он лежал и смотрел в темноту. Где-то ухал филин. Где-то шуршала мышь. Лес жил своей жизнью — равнодушной, древней. Мол был здесь чужим. Он это чувствовал.

— Я справлюсь, — прошептал он в темноту. — Я справлюсь.

Голос прозвучал слабо и неубедительно. Мол закрыл глаза.

Ночью пришёл сон.

Ему снилась ферма. Он шёл по двору, но всё было не так: дом стоял вверх дном, крыша уходила в землю, окна светились кровавым. Отец сидел на пороге и смотрел на него. Молча. Как всегда. А рядом — Дерк, Питер, Нида. Все смотрели. И молчали.

Мол хотел подойти, но ноги не слушались. Хотел закричать, но голос не шёл. А они смотрели — и в их глазах была не злость. Боль.

Он проснулся с криком. Точнее, с хрипом — горло сжалось, и крик вышел каким-то сдавленным, животным. Мол лежал, глядя в темноту, и ждал, пока сердце замедлится. Потом вытер лицо. Ладонь стала мокрой.

На третий день он вышел к угольной слободе.

Сначала он почуял дым — горький, тяжёлый, непохожий на запах печи. Потом услышал стук — ритмичный, глухой, будто кто-то бил по дереву. Мол пошёл на звук и вскоре вышел на поляну, где стояли чёрные, прокопчённые дома. Между ними курились земляные ямы, в которых тлели угли. Мужики в чёрных от сажи рубахах ворочали длинными палками что-то в ямах. Баба в платке развешивала бельё на верёвке — тоже чёрное.

Мол остановился на краю поляны. Он не знал, как подойти. Что сказать. Он просто стоял и смотрел, и, наверное, выглядел как дикий зверь — грязный, оборванный, с топором за поясом.

Первым его заметил мужик у ближней ямы. Высокий, широкий, с обветренным лицом. Он выпрямился, опёрся на палку и посмотрел на Мола долгим взглядом. Потом сказал:

— Ты чей?

Мол открыл рот, но не смог выдавить ни слова. Горло сжалось.

Мужик подождал. Потом вздохнул, воткнул палку в землю и пошёл к нему. Подошёл близко, посмотрел сверху вниз — Мол был ему по грудь.

— Голодный? — спросил он.

Мол кивнул.

Мужик обернулся:

— Лисса! Тут парень. Накорми.

Из дома вышла женщина — та самая, что развешивала бельё. Полная, с усталым лицом, но глаза добрые. Она всплеснула руками:

— Ох ты ж! Худой-то какой! Идём, идём, не стой.

Она увела Мола в дом. Усадила за стол — грубый, сколоченный из досок. Поставила перед ним миску с похлёбкой — густой, с мясом и кореньями. Мол ел молча, не поднимая глаз. Лисса стояла рядом, смотрела на него и качала головой.

— Ты откуда такой? — спросила она.

Мол не ответил.

— Ладно, — сказала Лисса. — Не хочешь — не говори. Потом расскажешь. Или не расскажешь. Дело твоё.

Она постелила ему в углу, на старом тюфяке. Мол лёг и закрыл глаза. Впервые за три дня он спал в тепле.

Глава 8.
Угольная слобода

Мол проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

Открыл глаза. Над ним стоял Тур — тот самый мужик, что вчера привёл его в дом. В руке — топор. Лицо каменное, без выражения.

— Работать умеешь? — спросил он.

— Умею, — ответил Мол. Голос после сна хриплый.

— Тогда вставай. Дрова колоть будешь. Платить не буду — кормить буду. Понял?

Мол кивнул.

— Идём. Покажу, где поленница.

За окном было темно. Хамфа ещё не поднялась. Лисса гремела посудой на кухне — значит, завтрак готов. Мол натянул сапоги, вышел во двор. Воздух холодный, сырой. Пахло дымом и смолой.

Тур подвёл его к поленнице — длинной, в два ряда, под навесом.

— Колоть — вот так. — Он взял топор, поставил полено, ударил. Половинки разлетелись в стороны. — Не замахивайся сильно. Сила в точности, не в размахе. Понял?

— Понял.

Тур отдал ему топор. Мол взял — тяжёлый, отцовский, с деревянной рукоятью, потёртой в одном месте. Он поставил полено, ударил. Топор застрял.

— Не так, — сказал Тур. — Смотри.

Он забрал топор, показал снова — медленно, точно. Как ставить полено, как бить, как вытаскивать застрявшее лезвие.

— Понял?

— Понял.

— Тогда работай. К обеду чтобы два ряда было.

И ушёл — к ямам, что курились за домом.

Мол колол. Первые поленья — криво, неуклюже. Топор застревал, соскальзывал, один раз чуть не отрубил себе палец. Он злился, но продолжал. К десятому полену получалось лучше. К двадцатому — почти хорошо. К обеду он закончил два ряда. Руки горели, спина ныла.

Лисса принесла ему поесть прямо во двор — хлеб с салом и кружку воды.

— Хорошо работаешь, — сказала она. — Тур доволен.

— Он ничего не сказал.

— Он никогда не говорит. Но ты посмотри — он тебе топор дал. Свой топор. Он никому свой топор не даёт.

Мол посмотрел на топор в своих руках. И вдруг понял, что это значит.

После обеда Тур позвал его к ямам.

— Смотри, — сказал он, ткнув палкой в тлеющую землю. Белый дым вырвался из-под слоя дёрна. — Видишь? Дым белый, прозрачный — значит, ещё сырое. Вода выходит. А как станет сизым, почти невидимым — уголь готов.

Мол кивнул.

— Тыкай каждые полчаса. Смотри на дым. Как сизый пойдёт — зови.

И ушёл к другой яме.

Мол остался один. Тыкал палкой в землю, смотрел на дым. В этом было что-то правильное. Простое. Понятное. Земля, огонь, дым. Никаких лордов. Никаких налогов. Никаких Беннов.

Через час дым стал сизым. Мол позвал Тура. Тот пришёл, посмотрел, кивнул:

— Готово. Разгребай.

Они разгребали вдвоём. Под землёй лежал уголь — чёрный, блестящий, ещё горячий. Мол брал его руками, обжигался, но не отпускал. Складывал в мешок.

— Хорошо, — сказал Тур. — Завтра ещё три.

Вечером, когда они сидели у огня, Тур вдруг сказал:

— Ты не угольщик.

Мол поднял голову.

— У тебя руки не те, — продолжил Тур. — Мягкие. Ты или писарь, или сын богатого. Но одежда на тебе крестьянская. И глаза… — он помолчал. — У тебя глаза человека, который видел смерть.

Мол ничего не ответил. Тур и не ждал. Вернулся к своей кружке, и больше они к этому не возвращались.

Глава 9.
Угольщики

Прошла неделя. Потом другая.

Мол привык к слободе. К чёрным домам, к запаху дыма, к молчаливому Туру и говорливой Лиссе. К тому, что его кормят и не задают вопросов.

Он колол дрова. Таскал воду. Выгребал уголь из ям — тяжёлая, грязная работа, от которой сажа въедалась в кожу так, что её не брало даже мыло. Он не жаловался. Он вообще мало говорил.

А потом Тур начал брать его в лес.

— Уголь — половина работы, — сказал он как-то после обеда, шагая по тропе. — Вторая половина — лес. Надо знать, где дрова брать. Где сушняк. Где сырое не трогать.

Он остановился у старой берёзы. Присел, тронул кору.

— Смотри. Берёза — хорошее дерево. Кора тонкая, горит жарко. Но берёзу на уголь не берут — жалко. Берёза для других дел нужна. А вот осина… — он показал на соседнее дерево. — Осина — то, что надо. Её много. Растёт быстро. Горит ровно.

Мол слушал. Тур говорил редко, но когда говорил — по делу.

— А вот эту не трогай, — Тур показал на дуб. — Дуб — хозяин. Ему сто лет расти. Срубишь — детям твоим не вырастет.

Они прошли дальше. Тур показывал следы — заячьи, лисьи, оленьи. Мол смотрел и запоминал. Он видел такие возле фермы, но тогда не задумывался, что это можно читать.

— Заяц — глупый, — говорил Тур. — Ходит по одному месту. Тропу набивает. Если силки ставить — ставь на заячьей тропе. А лиса — умная. Следы путает. Её не возьмёшь.

— А если нет заячьей тропы? — спросил Мол.

— Тогда ищи, где трава примята. Где помёт. Где кора обглодана. Заяц везде ест. Всё, что мягкое.

Мол кивал. Он вдруг понял, что лес — это не просто деревья. Это книга. Каждый, кто по нему ходит, оставляет запись. Надо только уметь читать.

Возвращались они к вечеру. Мол устал так, что едва дошёл до дома. Но в голове было ясно. Впервые за много недель — ясно.

За ужином Лисса рассказала смешную историю — про то, как Тур в молодости пытался поймать лису силками, а поймал соседского кота. Тур сидел с каменным лицом. А потом вдруг хмыкнул. И Мол засмеялся.

Он сам не понял, как это вышло. Просто смех поднялся откуда-то из живота — неожиданный, громкий. Лисса ахнула, потом тоже засмеялась. Тур смотрел на них обоих и качал головой, но в его глазах было что-то тёплое.

— Вот, — сказала Лисса, вытирая слёзы. — А ты говорил — не умеешь.

Мол не понял, о чём она. Но переспрашивать не стал.

Дни шли за днями. Мол учился обжигать уголь — не только тыкать палкой, но и складывать дрова в яму, и засыпать землёй, и разгребать, когда готово. Учился отличать хороший уголь от плохого — по цвету, по весу, по тому, как он звенит, если ударить. Учился вязать мешки и грузить их на телегу.

Тур учил его читать следы. Лисса учила готовить — как замешивать тесто, как печь хлеб, как варить похлёбку из того, что есть. Мол сначала не понимал, зачем ему это. Потом понял: она готовила его к тому, что он уйдёт. К тому, что однажды ему придётся самому о себе заботиться.

— Ты не останешься здесь навсегда, — сказала она как-то, когда они вместе чистили репу. — Такие, как ты, не остаются.

— Какие?

— С огнём внутри. — Лисса посмотрела на него. — У тебя в глазах огонь, Мол. Ты его прячешь, но он есть. И однажды он тебя куда-нибудь приведёт. Или сожжёт.

Мол промолчал. Он не знал, что сказать.

Однажды вечером он сидел на крыльце и смотрел, как садится Хамфа. Тур подошёл, сел рядом. Молча. Долго.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы остаться здесь? — спросил Тур.

Мол посмотрел на него.

— Думал.

— И что?

— Не знаю. — Мол пожал плечами. — Наверное, не могу.

— Почему?

Мол молчал. Потом сказал:

— Потому что я не могу просто жить. Пока они там. Пока Бенн жив. Пока лорд жив. Я не могу.

Тур кивнул. Будто ждал этого ответа.

— Тогда иди, — сказал он. — Когда придёт время. Но пока — живи здесь. Учись. Тебе это пригодится.

Мол кивнул. И остался.

Прошло три недели. Мол привык к слободе. К чёрным домам, к запаху дыма, к молчаливому Туру и говорливой Лиссе. К тому, что его кормят и не задают вопросов. Он даже начал думать, что, может быть, останется здесь. Насовсем. Станет угольщиком. Забудет всё.

Но однажды вечером Тур вернулся из соседнего села — он ездил продавать уголь — и был мрачнее обычного. Мол как раз колол дрова во дворе. Тур прошёл мимо, не поздоровав-

шись, зашёл в дом. Мол слышал, как он что-то говорит Лиссе — тихо, быстро. Потом Лисса вышла на крыльцо. Лицо у неё было бледное.

— Мол, — позвала она. — Иди сюда.

Он подошёл. Тур стоял в дверях, скрестив руки.

— Тур сегодня в селе слышал, — начала Лисса. — Люди Косого Бенна ищут мальчишку. Молодого. Темноволосого. Говорят, сбежал из-под налога. За него обещана награда.

Мол замер. Внутри всё оборвалось.

— Кто-то видел, как ты шёл через лес, — продолжил Тур. — Может, они. Может, нет. Но если они придут сюда…

Он не договорил. Мол и так понял.

— Я уйду, — сказал он.

Лисса шагнула к нему:

— Мол, подожди…

— Нет. — Он покачал головой. — Если они найдут меня здесь — вам конец. Вы укрывали того, за кем они охотятся. Они сожгут слободу. Всех. Я не могу этого допустить.

Тур молчал. Лисса смотрела на Мола, и в её глазах были слёзы.

— Ты не виноват, — сказала она. — Ты не должен…

— Должен. — Мол сглотнул. — Я уже один раз спрятался. В погребе. Я больше не буду.

Он пошёл в дом, собрал мешок — немного еды, нож, одеяло. Топор оставил на столе. Отцовский топор. Пусть останется здесь. Как память.

Лисса стояла у двери, когда он выходил.

— Куда ты пойдёшь? — спросила она.

— Не знаю. — Мол пожал плечами. — Куда-нибудь.

— Будь осторожен.

— Буду.

Он шагнул за порог. Тур стоял во дворе, у ямы с тлеющими углями. Посмотрел на Мола. Потом сказал:

— Если тебе понадобится помощь — ты знаешь, где нас найти. Но не возвращайся, пока они ищут. Понял?

Мол кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — За всё.

Тур отвернулся. Мол пошёл к лесу. За спиной Лисса что-то крикнула — он не разобрал что. Не обернулся. Просто шёл.

Лес сомкнулся за ним, и слобода исчезла — как будто её никогда не было.

Глава 10.
Келем и Ирма

Мол шёл два дня.

Первую ночь он провёл в дупле старого дуба — тесном, но сухом. Вторую — под выворотнем, зарывшись в листья. Ел на ходу: хлеб, который дала Лисса, зачерствел, но был ещё съедобен. Вода во фляге кончилась к вечеру второго дня.

К полудню третьего он вышел к перекрёстку — две колеи, размытые дождём, сходились у старого дуба с обломанной верхушкой. Мол сел под ним, потому что ноги уже не шли. Он не знал, куда идти дальше. Келем сказал: «На север, к Гнилому Логу». Но где этот север? Он потерял счёт поворотам.

Он жевал последний сухарь, когда услышал скрип.

Телега выползла из-за поворота — старая, с полосатым тентом, который хлопал на ветру, как крыло подбитой птицы. Тащила её лошадь сивой масти, толстая и ленивая, которая шла

так, будто делала одолжение. На облучке сидела женщина. Рядом шагал мужчина — длинный, худой, в потрёпанной шляпе с обвисшими полями, с усами, подвязанными косичками.

Мол сжался. Он уже понял: люди бывают разными. И не всегда добрыми.

Мужчина заметил его первым. Остановился. Женщина натянула вожжи.

— Эй, парень! — окликнул мужчина. Голос хриплый, но не злой. — Далеко идёшь?

Мол промолчал.

— Молчаливый. — Мужчина усмехнулся. — Это хорошо. Молчаливые реже врут. — Он подошёл ближе, присел на корточки, заглянул Молу в лицо. — Голодный?

Мол кивнул.

— Ирма! — Мужчина обернулся к телеге. — Тут парень. Худой, как жердь. Накормим?

Женщина молча слезла с облучка. Невысокая, плотная, с круглым лицом и глазами, которые, казалось, видели всё и ничему не удивлялись. Подошла, посмотрела на Мола. Достала из-под тента кусок хлеба и ломоть сыра.

— Ешь, — сказала она. Голос низкий, спокойный.

Мол взял. Руки дрожали. Он впился зубами в хлеб — и только тогда понял, насколько голоден.

— Как звать? — спросил мужчина.

— Мол.

— Мол. — Мужчина кивнул. — А меня Келем. Это вот Ирма, жена моя. Мы торговцы. Ездим по деревням и сёлам, возим всякую мелочь. — Он махнул рукой на телегу. — Горшки, иголки, нитки. Иногда сладости. Если повезёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.